БИБЛИОТЕКА
ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ
Н.А. ЛАКОБА

I

В.А. Гурко-Кряжин

АБХАЗИЯ

Сухум, 2022

УДК 908
ББК 26.89(5 Абх)
Г 95

СЕРИЯ: Библиотека Историко-мемориального музея
Н.А. Лакоба. Вып. I

Редакторы серии: С.З. Лакоба, А.Я. Дбар

Гурко-Кряжин В.А.
Абхазия. – Сухум, 2021. – 32 с. (Библиотека Историко-мемориального музея Н.А. Лакоба).

Г/р 978-5-166-55-10022

Переиздание книги В.А. Гурко-Кряжина «Абхазия», впервые увидевшей свет в 1926 году в Москве. Рассчитана на широкий круг читателей.

На обложке: Сухум. 1920-е гг. Дворец труда (ныне проспект Леона, 17). Фото: из архива Анзора Агумаа.

© Историко-мемориальный музей Н.А. Лакоба, 2022

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О В. ГУРКО-КРЯЖИНЕ И ЕГО КНИГЕ «АБХАЗИЯ»

Российский и советский историк, востоковед, профессор Владимир Александрович Гурко-Кряжин родился 27 апреля [9 мая] 1887 г. в г. Тифлисе, в семье врача. В 1912 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета, с дипломом I степени по специальности «этнография и археология Кавказа». Являлся членом Кавказского отделения Русского географического общества. В. Гурко-Кряжин революцию принял и включился в общественно-политическую жизнь новой России. В 1920 г. по поручению Российской академии наук собирал материалы по древней истории Кавказа для Кавказского отдела Комиссии по изучению племенного состава населения России; работал заведующим информационным отделом полномочного представительства РСФСР в Турции и Персии. В 1921 г. был переведен в Тифлис, заведующим отделом Востока Кавказского отделения Российского телеграфного агентства (РОСТА). В 1922 г. переехал в Москву; трудился редактором журнала «Новый Восток» и одновременно в нескольких институтах и учебных заведениях Москвы и Ленинграда. С 1922 г. работал во Всесоюзной научной ассоциации востоковедения при Наркомнаце РСФСР (ВНАВ), с 1923 г. – в Московском институте востоковедения, с 1924 г. – в Ленинградском институте живых восточных языков, с 1925 г. – на Восточном факультете Военной академии Рабоче-крестьянской Красной армии им. М.В. Фрунзе и в Музее восточных культур, с 1928 г. – в Ленинградском государственном университете.

В 1930 г. В. Гурко-Кряжин был объявлен «буржуазным востоковедом, занимающимся апологией империализма», а в 1931 г. – «кадетом, опошляющим марксизм»[1].

В. Гурко-Кряжин скоропостижно скончался 17 октября 1931 г. в Москве, в возрасте 44 лет.

В. Гурко-Кряжин является автором многочисленных работ по истории международных отношений, истории, этнографии и археологии народов Кавказа, истории стран Ближнего и Среднего Востока. Ученый регулярно участвовал в научных экспедициях по республикам Кавказа

[1] Востоковед Владимир Александрович Гурко-Кряжин, 1887–1931: (Биобиблиографический указатель) / сост. Гурко-Кряжина Е.В. М., 2003. С. 17.

и Средней Азии. Осенью 1925 г. В. Гурко-Кряжин был командирован по поручению ВНАВ в Абхазию для изучения политико-экономического положения республики; по итогам поездки, опубликовал отчет о результатах в журнале «Новый Восток» (1926. Кн. 13–14. С. 93–116), а затем, в том же году, книгу «Абхазия»[1].

В. Гурко-Кряжин в своей небольшой работе дает краткий обзор истории Абхазии с древнейших времен; приводит национальную статистику Абхазии (достаточно подробно пишет о постигшей абхазов трагедии – махаджирстве, а также о последовавшей за ней колонизации страны); приводит данные об экономическом состоянии республики (эти данные автор получил лично от сотрудников Центрального статистического управления, Госплана и Наркомфина ССР Абхазии); сообщает о преобразованиях в Абхазии при советской власти (статистические данные автору предоставили в Наркомпросе ССР Абхазии). В своей книге В. Гурко-Кряжин, помимо трудов А. Дьячкова-Тарасова[2], Н. фон-Дервиза[3], Н. Марра, Г. Чурсина и др., ссылается на свежие для того времени работы абхазских авторов – Д. Гулиа (его «Историю Абхазии» В. Гурко-Кряжин называет «интересной работой»), С. Ашхацава (чью работу «Пути развития Абхазской истории» автор назвал «грешащей некоторыми преувеличениями и гипотетичностью изложения»), С. Басария (главы книги которого, – «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении», – на взгляд автора, «грешат большими неточностями»). В. Гурко-Кряжин был знаком и с изданиями Абхазского научного общества (ссылки на «Бюллетень АбНО» и первый выпуск «Известий АбНО»).

Думается, что книга В. Гурко-Кряжина «Абхазия» представляет интерес и в наши дни.

---

[1] Библиографическое описание первого издания: Гурко-Кряжин В.А. Абхазия. Москва: Издание Научной Ассоциации Востоковедения при ЦИК СССР, 1926. 24 с.

[2] Александр Николаевич Дьячков-Тарасов (1867–1943?) – археолог, этнограф и историк-кавказовед.

[3] Дервиз Николай Васильевич, фон (1859–1916) – лесничий, автор работы «Сухумский округ: Заметки б. лесничего» (Тифлис, 1906).

В.А. Гурко-Кряжин[1]

АБХАЗИЯ[2]

§ 1. Основные линии истории Абхазии

Когда пароход медленно движется вдоль берегов Абхазии, в голове невольно возникает длинная вереница исторических картин. Около двух с половиной тысяч лет назад, вдоль этих же темных, покрытых субтропической растительностью берегов – скользил многовесельный корабль «Арго», на котором греческий корсар Ясон, со смелыми товарищами «аргонавтами», плыл в страну темнокожих колхов в поисках таинственного «золотого руна».

После открытия этими эллинскими колумбами кавказского побережья, оно покрывается цветущими греческими факториями, которые под видоизмененными именами сохранились до наших дней. Так, греческая Диоскурия была переименована римлянами в Севастополь,

---

[1] Фото из книги: Востоковед Владимир Александрович Гурко-Кряжин, 1887–1931: (Биобиблиогр. указ.) / сост. Гурко-Кряжина Е.В. М., 2003.

[2] Настоящая статья является результатом моей поездки на кавказское побережье Черного моря летом 1925 г., совершенной по поручению Научной Ассоциации Востоковедения при ЦИК СССР. – *Прим. авт.*

абхазами – в Аква, грузинами – в Цхом, откуда, вероятно, и возникло теперешнее наименование Сухум.

В I в. до н.э. на побережье утверждаются римляне, гарнизоны которых были размещены, возможно, вплоть до важнейшего стратегического пункта Абхазии – Гагр. Так как к этому времени Рим установил свой протекторат над Крымом и северным побережьем Анатолии, то Черное море превратилось в «римское озеро».

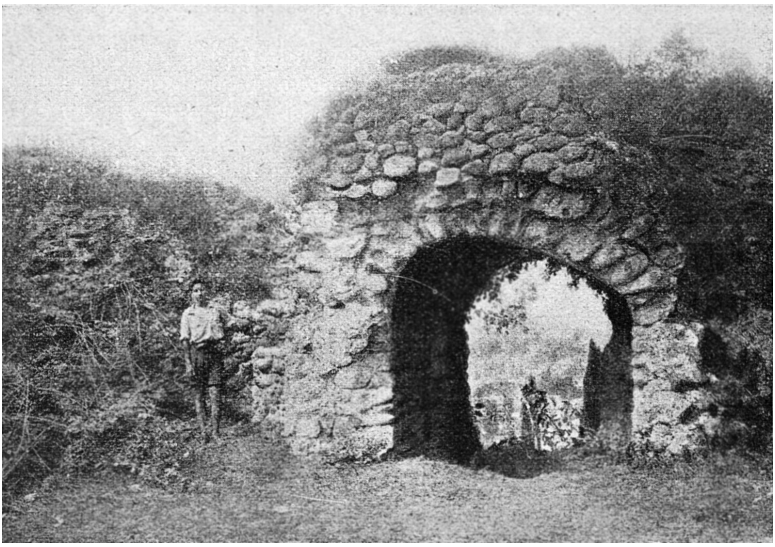
В последующие века мы наблюдаем, как синие волны «гостеприимного моря» намывают на берега Абхазии все новые и новые человеческие наносы: скифы, готы, аланы, византийцы, персы, генуэзцы, турки, русские в течение тысячелетий сменяют здесь друг друга в качестве купцов, разбойников или же завоевателей. Бесчисленные развалины храмов, сторожевых башен, крепостей в долинах, на горах и даже на дне моря (у Сухума) представляют как бы окаменелые следы этой когда-то бурно развивавшейся здесь жизни[1].

Навстречу этим широким этническим наносам шли, правда, гораздо менее интенсивные материковые отложения. По-видимому, в начале нашей эры на север от загадочных колхов, в районе Гагринского массива, утверждаются морские разбойники иниохи[2]; во втором веке нашей эры впервые выплывает имя абасков, т.е. абхазов; наряду с этим происходит широкая миграция мингрело-лазов, заселяющих в период, не поддающийся точному определению, все побережье кавказско-анатолийского угла Черного моря. Наконец, при свете истории, мы видим, как Абхазия колонизуется турецкими армянами и греками, русскими, эстонцами и др. Эти вкратце очерченные морские и материковые этнические перемещения, сопровождающиеся вытеснением или ассимиляцией аборигенов и самих пришельцев, а также накоплением на видоизменяемой этнической базе культурных ценностей и составляет одно из важнейших явлений абхазской истории, сохранившее, как мы увидим дальше, вплоть до настоящего времени, жизненное значение.

---

[1] В.И. Стражев. Руинная Абхазия. Известия Абхазского Научного Общества (АбНО). 1925 г., в. I. – *Прим. авт.*

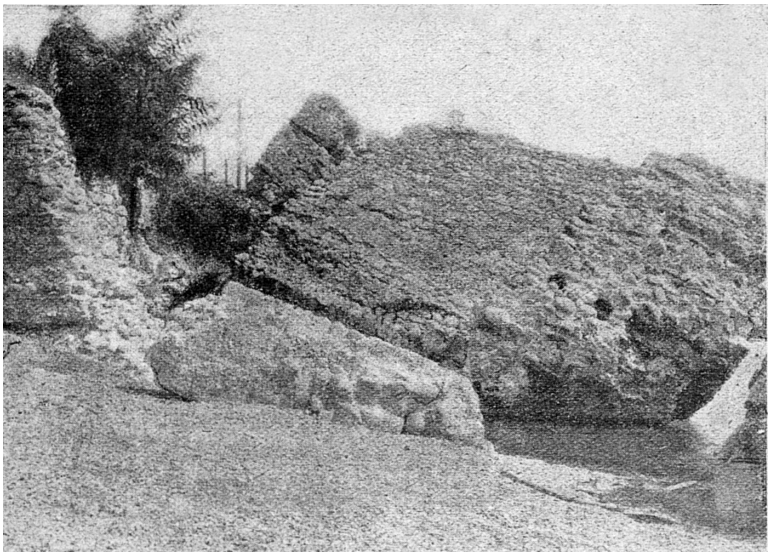
[2] Гениохи. – *Прим. ред.*



Замок Баграта около Сухума. *Западные ворота с площади замка. Через ворота виден Сухум*

Второй конструктивной чертой истории Абхазии является ее природная, физико-географическая замкнутость, хотя и не мешающая мирным колонизационным процессам, но зато составляющая серьезную преграду для завоевательной энергии соседних материковых государств. В самом деле, с севера и с северо-запада Абхазия ограничена главным Кавказским хребтом и его отрогами, которые не имеют проходов, прорезаемых обычно горными реками, и открывают доступ в страну лишь через малодоступные перевалы (Марухский, Клухорский и др.), находящиеся на высоте 9–12.000 футов, т.е. выше снеговой линии. Наиболее опасная северная конечность Абхазии, подвергнутая напору вечно движущихся северо-кавказских племен, совершенно исключительно оборудована природой: здесь спускается почти к самому морю мощный Гагринский хребет, соединяющийся через систему Арабика[1] с главным Кавказским хребтом. Благодаря этому Гагры издавна получили значение ворот в Абхазию и на старинных картах носят даже название Дербента, т.е. «дверь-преграда». До сих пор сохранились остатки старинной крепости, замыкающей прибрежную полосу в несколько сот

[1] Правильно: Арбаика. – *Прим. ред.*



Сухум. Крепость. Фрагменты юго-западной башни:
а) обвал турецкой эпохи; б) остаток стены византийской эпохи

саженей[1], причем имеется ряд исторических и археологических указаний, что в древности существовала двойная стена с башнями, шедшая от крепости до моря[2]. Более уязвимой являлась юго-восточная оконечность Абхазии – низменная, заболоченная равнина Самурзакани. Однако, недостаток естественной обороны был возмещен здесь искусственными сооружениями. До сих пор в нескольких десятках верст на юг от Сухума видны остатки крепостной стены, опускающейся по склону горы и оканчивающейся у берега моря полуразрушенной башней. Здесь мы имеем лишь остаток «великой абхазской стены», которая в древности опоясывала ряд прибрежных городов от р. Келасури до р. Ингура, уходя далеко вглубь страны, протянувшись на огромное расстояние – 150 верст. Этот гигантский вал, снабженный, как и великая китайская стена, на известных расстояниях башнями, имел целью оградить побережье Абхазии от набегов соседей-горцев, а также, возможно, в своем южном окончании – и от мингрелов.

---

[1] Старорусская единица измерения расстояния; 1 сажень равна 2,1336 метра. – *Прим. ред.*

[2] Дьячков-Тарасов. Гагры и их окрестности. Изв. Кавказск. Отд. Русск. Геогр. Общества. 1903 г. В 1925 г. по утверждению И.Я. Стеллецкого, нуждающегося разумеется в проверке, ему удалось найти в Гаграх остатки двойной стены, давно указанной Дюбуа де Монпере. – *Прим. авт.*

Благодаря непрерывной естественной и искусственной оборонительной линии, от гагринских железных ворот на севере и до каменных башен великой стены на юге, Абхазия в течение веков подвергалась нападениям и завоеваниям, главным образом, со стороны моря. Отсюда ее постоянно тревожили ладьи скифов, готов, русских (тмутараканских князей), византийцы, снаряжавшие огромные флоты, и в XVI в. турки. В 1810 году русский десант занял Сухум, после чего морем же произошло завоевание остального побережья Абхазии.

Наоборот, благодаря указанной малодоступности со стороны суши, Абхазия, единственная из всех областей Закавказья, избегла арабского (VII в.) и монгольского (XIII в.) завоевания. Это обстоятельство и обусловило ее крупную историческую роль в истории всех картвельских племен.

В VIII веке, изолированная морем и горными хребтами, Абхазия начинает играть ту же роль, что и защищенная дремучими лесами и полноводными реками Москва. Она становится политическим и культурным центром Западного Закавказья, и ее князья начинают постепенно «собирать» разорванные чужеземными завоеваниями грузинские земли.

В XI в., в связи с ослаблением арабов, политический центр вновь перемещается в бассейн Куры, но мы не должны забывать, что в течение предшествующих трех веков пульс политической и культурной жизни Западного Закавказья бился все время в Абхазии. Это обстоятельство, как и общая историческая роль абхазского народа, не учитывалось в достаточной степени нашими кавказоведами, о чем свидетельствует заявление крупнейшего представителя их, Н.Я. Марра: «Для меня стало ясно, что все направления грузиноведения, армяноведения и, в частности, мое было в корне неправильно. Мы раньше как будто старались, наоборот, замести след значения абхазского народа»[1].

Третьим фактором, воздействующим на всю историю Абхазии, является наличие пересекающих ее торговых путей. Пародируя известное выражение Вольтера, что, «если бы не было бога, его пришлось бы создать», мы можем сказать, что, «если бы сейчас не было никакого следа дорог, пересекающих Абхазию, мы все равно гипотетически должны были бы установить их существование». Действительно, мы уже ука-

---

[1] Цитата взята из брошюры С.М. Ашхацавы – «Пути развития Абхазской истории» (1925 г.), на наш взгляд грешащей некоторыми преувеличениями и гипотетичностью изложения. Истории Абхазии с XIV в. до н.э. и до X в. н.э. посвящена интересная работа Д.О. Гулия «История Абхазии и абхазского народа», 1925 г. – *Прим. авт.*

зывали, что Абхазия является замкнутой страной, поскольку дело идет о доступе к ней с юга и с севера. В то же время, благодаря узости своей береговой линии[1], представляющей в то же время почти всю культурную площадь страны (всего около 90.000 десятин), она не может дать достаточного количества естественных продуктов для сколько-нибудь значительной внешней торговли. С другой стороны, мы видели, что побережье Абхазии, уже за столетия до нашей эры, являлось средоточием оживленной торговли для греческих, римских и др. купцов. В последующие столетия это торговое значение Абхазии не только не уменьшилось, но даже увеличилось. Как известно, расцвет черноморской торговли падает на эпоху гегемонии генуэзцев (XIII–XVI вв.). На протяжении 120 верст от Сухума до Хосты мы находим в то время 8 портов, где находились генуэзские фактории, подчиненные консульскому отделению в Севастополе (Сухуме). Описывая один из этих портов Абхазии (у устья р. Псоу), генуэзский путешественник XVI в. говорит, что сюда «приезжали в июле и в августе торговцы из Константинополя, Татарии и др. мест Черного моря, ибо в это время там бывает как бы ярмарка»... Ряд географических трудов и карт, а также многочисленные остатки генуэзских сооружений указывают на необычайную интенсивность производящихся здесь в течение столетий торговых операций[2].

Чем же объяснить этот многовековой коммерческий обмен при наличии отмеченной географической изолированности Абхазии, а также слабости ее собственных естественных ресурсов? Несомненно, единственно, тем, что эта торговля имела всегда транзитный характер, проходя по тем старинным путям, которые пересекали страну в горизонтальном направлении. Один из этих путей, по всей вероятности магистральный, сохранился (понятно, утратив сейчас почти всякое значение) вплоть до настоящего времени. Эта историческая дорога начинается от Сухума, идя на расстоянии 7 верст вдоль берега моря; затем она поворачивает на север вглубь страны и доходит до быв. Цебельдинского укрепления. В дальнейшем, превратившись в узкую тропу, она идет по правому берегу р. Кодора на крутой Клухорский перевал, где она соединяется с большой дорогой, ведущей к центру теперешней

---

[1] Узкая полоса у Гагр, 15–20 верст у Гудаут и вновь 3–5 верст у Нового Афона и Сухума. Лишь вдоль крупных рек культурная полоса врезается вглубь страны. – *Прим. авт.*

[2] Дьячков-Тарасов. Указ. соч. Об итальянской торговле в Черном море см. классический труд Heyd. Historie du Commerce du Levant an Moyen Age. I–II.1885–86. Из новых трудов M. Silbershmidt. Das Orientalishe Problem zur Zeit der Entstehung des Türkishen Reiches nach Venezianishen Quellen. 1923. – *Прим. авт.*

Лыхны. Северо-западный угол дворца

Карачаево-Черкесской автономной области – Баталпашинску[1]. Множество древних памятников (так наз. «венецианские мосты», построенные из камня на известке, остатки шоссированной дороги и т.п.) доказывают, что столетия назад этот путь был в несравненно лучшем состоянии, чем в настоящее время. Н.В. фон-Дервиз, исходивший весь этот район, свидетельствует, что здесь встречаются «остатки разных сооружений, образование которых нужно отнести ко времени владычества генуэзцев, но никак не к работам местного населения[2]. Очень важно его указание на остатки большой сторожевой крепости, находящейся между рр. Кодором и Чхалтой (вдоль которой прежде шла дорога), очевидно, охранявшей выход из Чхалтинского ущелья со стороны Сванетии, которая была связана с этим пунктом другой дорогой. Дорога через Клухорский перевал, как мы видим, в течение двух тысяч лет соединяла побережье Черного моря с Северным Кавказом. Отсюда становится понятным и характер товарообмена, происходившего в портах Абхазии. По словам уже упомянутого генуэзского писателя, западные купцы привозили сюда: утварь, текстильные изделия, копченую рыбу и пр. Взамен они вывозили: медь, нитки для выделки полотна, воск и рабов. Знаменитый путешественник более поздней эпохи (XVII в.) Шардэн

[1] Ныне г. Черкесск. – *Прим. ред.*

[2] Н.В. фон-Дервиз. Сухумский округ. Запаски Кавказск. Отд. Русского Геогр. Общества, кн. XXV, вып. 8. 1906 г. – *Прим. авт.*

перечисляет те же объекты торговли итальянских купцов с жителями Кавказского побережья: последние ввозили ткани, продукты питания, металлические орудия, аптекарские товары и, взамен, экспортировали воск, лен, меха, пальмовое дерево (самшит) и, главным образом, рабов (около 12.000 ежегодно)[1]. Наиболее ценным товаром были как раз рабы, высоко котировавшиеся на невольничьих рынках Константинополя и Крита, вывоз которых был обеспечен благодаря бесконечным распрям и войнам, свирепствовавшим между черкесскими племенами.

Учитывая существование большого торгового пути, ведущего от побережья Черного моря на Северный Кавказ, для нас становится понятным, почему эта замкнутая страна в течение тысячелетий привлекала купеческие флоты эллинов и генуэзцев, военные армады римлян и византийцев, усеявших ее берег факториями, крепостями и развалинами всевозможных сооружений. Мы получаем также экономическую базу для понимания той роли, которую сыграла в VIII–X вв. маленькая Абхазия, уцелевшая от арабского завоевания, в деле государственного объединения всего Западного Закавказья.

§ 2. Национальная статистика Абхазии

Далее тот общий абрис исторических судеб Абхазии, который был набросан, указывает, что на ее территории должен был образоваться конгломерат всевозможных народностей, большинство которых в результате беспрерывных скрещений перестали быть чистыми расами, а превратились, по крайней мере, в соматическом отношении, в таких же метисов, как и огромное большинство жителей Закавказья. Помимо миграционных процессов, а также чисто экономических, связанных с оживленной приморской торговлей, необычайная пестрота населения Абхазии усилилась благодаря специфической колонизационной политике, проводимой здесь, как увидим ниже, царским правительством. Ряд исторических и экономических причин (выселение абхазов, инфильтрация из Грузии) создали вместе с тем чрезвычайную неравномерность в расселении, национальную чересполосицу.

Благодаря смешению аборигенов с переселенцами, вызвавшему в ряде случаев усвоение чужого языка, получилась сильная этническая путаница, при которой чрезвычайно трудно определить по национальному признаку некоторые группы населения. Наконец, шовинизм, сначала русский, а потом грузино-меньшевистский, не только усложнил

[1] В. Гурко-Кряжин. Великие пути в мировой истории. Изд. НАВ. М., 1925 г. – *Прим. авт.*

национальные отношения, но и обусловил подчас крайне нездоровый субъективный подход при их анализе и обсуждении.

Если мы учтем все эти факторы, для нас станет понятным, что маленькая Абхазия, на территории которой проживают 17 национальностей, является как бы лабораторией по национальному вопросу, ознакомление с которой имеет и практический, и чисто теоретический интерес.

Первым препятствием, с которым мы здесь встречаемся, является чрезвычайно плохое состояние демографической статистики Абхазии. Все переписи, которые до сих пор имели место, составлялись крайне небрежно, «на глаз», или же отражали те или иные националистические настроения[1].

Сопоставляя различные данные, мы получаем такую табличку довоенного населения Абхазии.

Название главных национальностей	**Данные нач. XX в.**[2]		**Данные до мировой войны**[3]	
	Колич.	**%%**	**Колич.**	**%%**
Абхазы	72.867	51,0	91.450	69,0
Самурзаканцы	31.486	23,2	–	–
Мингрелы-грузины	7.464	5,5	14.731	11,1
Армяне	15.843	11,7	7.980	6,0
Греки	2.418	1,7	9.922	7,4
Русские	1.150	0,8	4,987	3,8
Турки	2–3.000	2,2	1,001	0,8
Прочие (эсты, латыши, болгары, молдаване, немцы, персы, лезгины и др.)	1.211	0,9	2.467	1,9
Всего	**135.445**	**100%**	**132.5384**	**100%**

[1] Лишь общесоюзная перепись 1926 г., к которой энергично готовится ЦСУ Абхазии, сможет дать действительно доброкачественные цифры. – *Прим. авт.*

[2] Н.В. фон-Дервиз, ук. соч., стр. 19. – *Прим. авт.*

[3] С. Басария. Абхазия. Сухум, 1923 г., стр. 37. – *Прим. авт.*

[4] Сюда надо прибавить городское население в 50.000 человек. – *Прим. авт.*

Как легко убедиться, все эти цифры внушают весьма мало доверия. В левом столбце выделены, в виде особой национальной группы, самурзаканцы, под которыми могут с одинаковым правом подразумеваться и мингрелы, и абхазы; несомненно, что в обоих столбцах сильно преуменьшено число мингрело-грузин; наконец, огромные колебания между цифровыми данными не могут быть объяснены какими-либо объективными причинами и, очевидно, обусловлены лишь недостатками самой статистики[1]. Опуская явно фальсифицированную перепись населения, произведенную в эпоху господства меньшевиков (1918–1921 гг.), мы должны констатировать, что и сейчас, при советской власти, мы не располагаем абсолютно надежными статистическими данными[2]. Некоторое представление о национальном составе Абхазии мы получим из сопоставления данных переписи 1923 г. (весьма несовершенной) сельского населения Абхазии и налоговой переписи 1925 г.[3]

Национальности	**Налог. перепись 1925 г.**		**Перепись с. х. населения 1923 г.**	
	Колич.	**%%**	**Колич.**	**%%**
Абхазы	47.012	30	35.709	24,2
Грузины	61.634	39,4	66.380	45,6
Русские	3.914	2,5	3.895	2,4
Армяне	21.267	13,6	20.328	13,6
Греки	18.022	11,5	19.222	13,0
Турки	1.524	0,9		
Сваны	1.883	1,3		
Эстонцы	652	0,4	2.106	1,2
Немцы	409	0,3		
Проч.	130	0,1		
Всего	**156.447**		**147.640**	

[1] Этнограф Г.Ф. Чурсин в статье «Абхазы» указывает, что в 1886 г., согласно посемейным спискам, их насчитывалось в Сухумском округе ок. 60.000 человек. – *Прим. авт.*

[2] Объясняется это сложностью демографической работы в Абхазии, а также недостатком материальных средств у ЦСУ. – *Прим. авт.*

[3] За сообщение всех нижеприводимых данных, относящихся к периоду советской власти, приношу благодарность ЦСУ, а также Наркомфину Абхазской ССР тов. Алания. – *Прим. авт.*

Как мы видим, оба статистических ряда дают приблизительно однородные данные при исчислении количества русских, армян и греков; однако, чрезвычайно значительные колебания при исчислении двух основных национальных элементов – абхазов (24% – 30%) и мингрело-грузин (39,4% – 45,6%) – заставляют нас с большой осторожностью отнестись к вышеприведенной демографической таблице[1].

Как мы видим, абхазы, называющие себя «апсуа», а свою страну Апсны[2], наряду с мингрело-грузинами, составляют основную национальную группу. По языку они принадлежат к яфетической семье и находятся в близком родстве с адыге (черкесами) и с картвелами (грузинами)[3]. Предполагают, что до XI в. они составляли вместе с черкесами одну государственную единицу, причем абхазские племена джихов, убыхов, шапсугов[4] и др. доходили по побережью до Анапы. В XVII в. часть абхазов перевалила на северный склон Главного хребта, где они и проживают сейчас по рр. Зеленчуку и Кубани в количестве 40.000 чел. под именем абазин. Не останавливаясь на этнографических деталях, достаточно указать, что по своему бытовому складу, обычаям и верованиям (кровная месть, аталычество, тотемические представления) они еще недавно мало чем отличались от соседних адыгейских племен[5].

Количество абхазов, проживающих сейчас в стране, совершенно не соответствует той роли, которую они играли в ее исторических судьбах. Искусственное разжижение абхазского населения объясняется тремя главными причинами: массовой эмиграцией их, в результате за-

---

[1] Данные, любезно сообщенные мне замнаркомпросом Абхазии т. Н. Бокучава, дают опять совершенно новые соотнош., а именно: абхазов – 47 т. (29%), грузин – 72 т. (44,5%) и проч. – 43 т. (26,5%). Общее количество городского населения по предварительным данным ЦСУ равняется около 40.000. – *Прим. авт.*

[2] Апсы – означает «душа». – *Прим. авт.*

[3] Н.Я. Марр относит их к понтийской группе средне-кавказских яфетидов. Н.Я. Марр. Племенной состав населения Кавказа. П., 1920 г., стр. 44–45. – *Прим. авт.* (Утверждение В. Гурко-Кряжина о языковой близости абхазов и грузин никак не подтверждается наукой. – *Прим. ред.*).

[4] Существует гипотеза об абхазском происхождении убыхов и шапсугов, но, даже если она подтвердится, позже убыхи стали самостоятельным народом со своим языком, а шапсуги – адыгским племенем. – *Прим. ред.*

[5] В 1925 г. Г.Ф. Чурсин совершил две научные поездки по Абхазии, во время которых собрал обширный этнографический материал, обрисовывающий быт, обычаи и верования абхазов. См. Бюллетень АбНО, № 8, 1925 г. – *Прим. авт.*

воевания Кавказа Россией и ее войн с Турцией, инфильтрацией мингрело-грузин, ассимилирующих аборигенов страны, и колонизационной политикой царского правительства.

Наиболее тяжелый удар был нанесен абхазским племенам эмиграцией в Турцию. Всего мы можем насчитать три массовых переселения в последнюю. До 1864 г., т.е. до так наз. «замиренья Кавказа», абхазские племена занимали также прибрежную полосу на север от Гагр до р. Хосты, известную под названием Джигетии. Официальные данные указывают, что за период с 1858–1864 гг. отсюда выселилось около 20.000 джигетов, но, по всей вероятности, эта цифра значительно преуменьшена, так как учет отъезжающих производился крайне несовершенно. Второе массовое выселение, уже из пределов нынешней Абхазии, произошло в 70-х годах в результате ряда восстаний. Благодаря этой эмиграции совершенно обезлюдели районы Дала, Цабала, Псху, Гагр и др. Наконец, третье и последнее выселение было связано с русско-турецкой войной 1877 года. С началом военных действий тысячи абхазов, разочаровавшихся в покровительстве турецких «единоверцев», возвратились в Абхазию и начали партизанскую войну против русских отрядов. После поражения турок, последние, совместно с абхазскими князьями, вновь агитируют в пользу эмиграции в Турцию. В ряде случаев, когда абхазы отказывались покинуть свою родину, турки их насильственно хватали, вместе с семьями, и усаживали на свои корабли.

Общее количество абхазов, выселившихся в Турцию, во всяком случае, не меньше 100–200 тысяч человек. Эмиграция создала чрезвычайно неравномерное распределение абхазов по стране: наиболее разжиженными оказались Гагринский и Гумистинский уезды, где абхазы составляют 2,8% и 12,4% всего населения; Гудаутский и Кодорский уезды, где сохранилось значительное абхазское ядро – 69% и 68,5% всего населения, оказались разобщенными друг от друга благодаря тому, что между ними находится Гумистинский уезд.

Вторым фактором, способствовавшим ослаблению абхазского элемента, являлось царская политика национального угнетения. По отношению к абхазам она применялась особенно свирепо благодаря тому, что они неоднократно устраивали восстания (1866 г. и др.), а также участвовали в войне 1877 г. на стороне турок. Если до этого существовал проект создания «Абхазского Казачьего войска», то после войны абхазы были официально объявлены «виновным населением», и их территория подчинена особому «военно-народному управлению».

Помимо отрицания за абхазами всяких нрав на национальное развитие (в области школы, культуры и т.п.), царское правительство пред-

приняло ряд мер, ослабляющих их экономически. Все земли, освободившиеся в результате эмиграции абхазов в Турцию, были розданы русскому чиновничеству (военному и гражданскому), придворной аристократии и духовенству (Нов. Афонский монастырь и др.)[1].

Наряду с этим, пытаясь создать в стране лояльный элемент, администрация, в лице «земельно-сословной комиссии»[2], наделяла землей абхазских дворян и князей, а зачастую и грузинских. Абхазские крестьяне, в интересах округления владений последних, беспощадно выселялись на худшие места, вглубь страны. Что касается крестьян, проживающих на землях помещиков, то они фактически были превращены в крепостных.

Наряду с этой «поместной системой» русские власти открыли опустевшую (после выселения в Турцию) Абхазию для колонизации.

Переселенцами являлись, главным образом, турецкие армяне и греки, принужденные оставить Османскую империю в результате войн; уже в силу своей обездоленности эти переселенцы представлялись желательным элементом для русской администрации; в гораздо меньшей степени переселялись эстонцы, немцы и русские крестьяне. Стремясь превратить колонистов в свою надежную опору, администрация наделяла их всяческими льготами в ущерб абхазскому населению.

Для русской национальной политики до революции 1917 года необычайно характерна та статистическая номенклатура, которая применялась в Абхазии. Официальный кавказский календарь (за 1916 г.) дает следующую картину населения последней:

Национальности	**Количество**	**%%**
Русские (православные и сектанты)	21.978	16.4
Остальные европ. народности (поляки, немцы и др.)	6.282	4.8
Картвельцы	37.414	28.0
Армяне	16.794	12.5
Горцы кавказские (магомет. и проч. испов.)	51.281	38.3
Всего	**133.749**	**100%**

[1] С. Басария. Указ. соч., стр. 76–77. – Прим. авт.

[2] Сухумская сословно-поземельная комиссия была создана в 1867 г., упразднена в 1883 г. – *Прим. ред.*

Как мы видим, в этой табличке прежде всего необычайно вздуто количество русского и «европейского» элемента, но самое интересное это то, что мы в ней совершенно не находим абхазов, которые, очевидно, скрываются под нарочито расплывчатой рубрикой «кавказские горцы».

Независимо от специфической политики, применяемой к колонистам, последние своей экономической деятельностью невольно еще более ухудшали положение абхазов. Привыкшие в Анатолии к табаководству, греки и армяне сумели сильно развить в стране эту доходную отрасль хозяйства, малодоступную для отсталых абхазов, искони занимавшихся лишь примитивным виноградарством и посевами кукурузы. Развитие табаководства вызвало спекуляцию на землю, повышение арендной платы и разорение крестьянства и даже средних привилегированных слоев.

Чрезвычайно сложно обстоит вопрос с грузино-мингрельским элементом в Абхазии, в особенности в южном Гальском (прежде Самурзаканском) уезде, в котором сосредоточено от 65,7% до 68,3%[1] всех грузино-мингрел Абхазии. Когда и каким образом осели они здесь – представляет трудно разрешимую проблему. Территория эта, будучи пограничной и притом не защищенной какими-либо естественными препятствиями, издавна являлась яблоком раздора между Абхазией и соседней Мингрелией. Еще в 20-х годах XIX в. при русской власти самурзаканцы боролись против притязаний владетелей Мингрелии (поддерживаемых русской военной администрацией) присоединить этот спорный район к своим владениям.

Благодаря этому мы наблюдаем здесь сильный мингрельский элемент, питающийся постоянным притоком колонистов с родины. Как указывает топонимика Самурзакани, эта территория ранее была заселена абхазами. Благодаря многовековой инфильтрации более культурного, сравнительно с последними, мингрельского населения, выше охарактеризованной русской политике, а также привлечению мингрел в качестве арендаторов на земли местных помещиков (в особенности с развитием плантационного хозяйства), абхазское население подверглось здесь сильнейшей мингрелизации и утратило свой родной язык. Однако, как доказывают факты, наблюдаемые после советизации Абхазии, этот процесс не может считаться, по крайней мере, для всей Самурзакани, бесповоротно завершенным: в 1925 году четыре селения потребовали здесь устройства школ с преподаванием на абхазо-русском

[1] По данным ЦСУ и Наркомфина Абхазской ССР. – *Прим. авт.*

языке[1]. Во всяком случае, окончательное выяснение вопроса о национальном составе Гальского уезда требует предварительно тщательного демографического обследования, которое взяло бы на учет все признаки национального определения населения.

§ 3. Национальная политика меньшевиков

Бегло намеченная социальная структура Абхазии, а именно концентрция лучших земель в руках помещиков, связанных с русской бюрократией, а также развитие табачного плантационного хозяйства, результатом чего явилось обезземеление крестьянства (одинаково абхазского и грузинского), а также разорения мелких табачных производителей – армян и турок, предопределило ход революционных событий с 1917 г. и до советизации. Находящиеся в кабальном положении, испытывающие экономический гнет со стороны сельских кулаков, помещиков, князей и дворян, а также национальное утеснение от администрации, крестьянство Абхазии, естественно, с момента февральской революции было чуждо буржуазно-демократической и националистической идеологии, которую пробовали культивировать абхазские титулованные помещики; единственной платформой для народных масс Абхазии могла стать лишь советская власть, и не случайно поэтому последняя возникла (правда, на короткое время) в Закавказье в 1918 г. лишь в двух географических полярных пунктах: в Баку – центре закавказского пролетариата, и в Абхазии – стране беднейшего и национально-угнетенного крестьянства.

Для полного изображения революционного движения в Абхазии у нас пока отсутствуют материалы, поэтому здесь приходится ограничиться самыми общими штрихами[2].

С момента февральской революции, в особенности после октябрьского переворота, Абхазия становится ареной для шовинистической и великодержавной политики грузинских меньшевиков. Опираясь на социально близкие круги абхазского населения, они срывают намеча-

---

[1] Имеется в виду: на абхазском и русском языках. – *Прим. ред.*

[2] До сих пор опубликованы след. сырые материалы: сборничек воспоминаний (тов. Лакоба, Жвания и др.) «К истории революционного движения в Абхазии», 1922; Иллюстр. прил. к газете «Трудовая Абхазия» – «Страна Души» (к 4-летию сов. власти); юбил. номер той же газеты (№ 51, 1925); грешащие большими неточностями главы в указ. книге С. Басария. – *Прим. авт.*

ющееся создание советской власти и образуют сначала «Демократический Абхазский Национальный Совет», а затем фальсифицированный, чисто кулацкий «Совет Крестьянских Депутатов». Работа меньшевиков и идущих за ними помещичье-буржуазных кругов встретила с самого начала решительное противодействие со стороны стихийно протестующего крестьянства, руководимого большевистскими ячейками. Для понимания последнего обстоятельства необходимо указать, что революционная работа в Абхазии началась очень давно, уже с 1903 года, причем стоящая во главе ее Р.С.-Д.Р.П. в большинстве своем шла за большевистской фракцией. После разгрома революции 1905 года работа большевиков в Абхазии не прекращалась, разумеется, за исключением периодов репрессий, провалов и т.п. Неудивительно поэтому, что в 1918 году инициатива и руководство борьбы с меньшевиками сразу попали в руки абхазских большевиков. Базой их сделался Гудаутский уезд, где на их сторону стало сельское население, сплотившееся в старинную крестьянскую организацию, так наз. «Кераз», преследовавшую в прежние времена цели взаимопомощи и объединенной борьбы с помещиками, разбойниками и пр.

Опираясь на эти силы, а также на стихийное сочувствие всего крестьянства Абхазии (кроме Кодорского уезда), сухумский комитет РКП делает первую попытку захвата власти (13 февраля 1918), которая через три дня, при помощи провокации, была вырвана из их рук меньшевиками. После создания меньшевиками фальсифицированного «Крестьянского Совета», большевики переходят в решительное наступление: небольшие вооруженные отряды рабочих и крестьян провозглашают советскую власть в Гудаутском и Гагринском уездах и затем, разбив меньшевистские отряды, устанавливают рабоче-крестьянскую власть в Сухуме. Дальнейшему революционному продвижению, уже на территории Грузии, к сожалению, помешало то обстоятельство, что между Сухумом и советской Самурзаканью (с 8/IV) образуется буфер в виде Кодорского уезда; в результате советская власть пала, продержавшись 42 дня.

Замечательным эпизодом этой героической борьбы было сопротивление совершенно отрезанного от остальной Абхазии Самурзаканского уезда, крестьяне которого, под руководством полуграмотного солдата П. Дзигуа[1] и др., лишь спустя 6 месяцев были разгромлены руководите-

[1] Дзигуа Павел Евтимович (1885–1918) – революционер, руководитель Самурзаканского ревкома; погиб в результате предательства. – *Прим. ред.*

лем меньшевистских банд Валико Джугели[1], причем большинство вождей восставших было расстреляно.

После этого начинается меньшевистская реакция, продолжавшаяся почти три года. Меньшевистские вооруженные отряды жестоко расправляются со всеми элементами, заподозренными в «большевизме». По заранее составленным спискам сжигаются или взрываются дома крестьян, участвовавших в перевороте или лишь заподозренных в этом, причем десятки их расстреливаются на месте. Кроме того, меньшевики, при помощи авантюристических элементов, натравливают греческое население Сухумского района на армян и абхазов: мобилизованные греки образуют кавалерийский отряд, совершающий карательную экспедицию против кодорского крестьянства.

После этого началась полоса «творческой» работы. Из грузинских чиновников и абхазских князей, дворян и кулаков был составлен демократический «Абхазский Народный Совет». В Самурзакани и др. районах были открыты грузинские школы, конечно, без всякого предварительного опроса населения. Была сделана даже попытка оторвать Самурзакань от Абхазии и присоединить ее к Кутаисской губернии, однако, сопротивление самого населения сорвало этот план. Повсюду свирепствовали аресты, карательные экономические меры, с которыми мы познакомимся ниже, военные экзекуции, всевозможные насилия и т.п.

Коммунистическая организация была разгромлена, оторвана от центра, благодаря операциям белогвардейцев в Кубанской области, и терпела ужасающую материальную нужду. Тем не менее, начиная с 1919 года, деятельность коммунистов возрождается. Несмотря на ряд провалов и арестов, в особенности после окончания кратковременного периода «легализации партии» (в 1921 г.), революционное движение в Абхазии ни на минуту не замирало, вплоть до наступления советизации.

После советского переворота в Армении, в Сухуме, в январе 1921 г., создается временный Ревком для организации повстанческих отрядов в тылу у меньшевиков. Повстанцы разбивают меньшевистские отряды, ненавидимые населением, и занимают Гагры, Гудауты и Новый Афон. Покидая Сухум (3/III–1921), меньшевики устраивают форменный погром и очищают всю территорию Абхазии. 4 марта 1921 г. в разграбленном и разгромленном Сухуме устанавливается вторично и на этот раз

[1] Джугели Валентин (Валико) Константинович (1887–1924) – грузинский политический и военный деятель, командующий Национальной гвардии Грузии. – *Прим. ред.*

окончательно советская власть. Наследием меньшевиков является экономическое разорение страны и необычайное обострение всех национальных конфликтов.

§ 4. Экономика Абхазии[1]

В хозяйственном отношении Абхазия является изумительно богатой и в то же время, как это ни парадоксально, необычайно бедной страной. Защищенная с севера высокими хребтами от холодных ветров, она обладает единственным на всем Черноморском побережье субтропическим климатом[2]. Благодаря этому она имеет необычайно богатую и разнообразную флору; достаточно указать, что леса Абхазии насчитывают до 150 древесных и кустарниковых пород. Всякий, кто побывал в ботанических парках и садах Сухума, знает, что здесь встречается огромное количество растений, встречаемых в Калифорнии, Мексике, на островах Тихого океана и в других исключительно одаренных природой местностях земного шара. Недра Абхазии изобилуют каменным углем и рудами; по количеству водной энергии (355.000 лош. сил) она может смело конкурировать с Швейцарией и Норвегией; наконец, ее почва пригодна для высших земледельческих культур. Однако, все эти богатства Абхазии являются, в силу целого ряда причин, лишь потенциальными. В настоящее же время, благодаря общей запущенности страны, низкому культурному уровню ее населения, отсутствию путей сообщения, первобытным методам земледельческой культуры и ряду других причин, Абхазия является, несомненно, бедной страной. Особенно же содействовала обнищанию населения меньшевистская власть, как это мы увидим на ряде фактов.

Обращаясь к цифровым данным, мы, прежде всего, убеждаемся, что буквально ничтожная часть территории страны находится в культурной обработке. Двадцать лет тому назад во владение поселян всех национальностей было отведено всего около 90.000 десятин, т.е. около 13% общей площади Абхазии (700.000 десятин); даже из этого ничтожного количества обрабатывалось лишь около 2/3, остальная площадь находилась в запущенном состоянии. За время меньшевистского режима эта площадь сократилась на одну треть и достигла каких-нибудь 40.000 десятин. В настоящее время, в связи с хозяйственным возрожде-

[1] Данные для этой главы получены мною на месте от ЦСУ, Госплана и Наркомфина Абхазск. ССР, а также собраны лично мною. – *Прим. авт.*

[2] Средняя годовая температура Сухума + 15,2°. – *Прим. авт.*

нием Абхазии, культурная площадь (посевы, пар, усадебная земля и т.п.) вновь повысилась и достигает около 57.000 десятин (т.е. 8,1% общей площади). Если мы поделим эту ничтожную площадь на число крестьянских семей, то получим миниатюрную цифру 1,5–2 дес. на семью. Необходимо указать при этом, что половина культурной площади занята под малоценными кукурузными посевами (около 28.000 десятин) и лишь 6.000 десятин – под ценные культуры (виноградники, табак и т.п.).

В значительной степени размеры и характер абхазского землевладения обгоняются тем первобытным сел.-хоз. инвентарем, которым располагает, и то не в достаточной степени, крестьянское население. По данным Наркомзема, всего в Абхазии имеется около 3.700 железных плугов (на 32.000 деревянных плугов и сох), 278 железных борон (при 4.100 деревянных) и т.п. Всего насчитывают 8 сеялок, 26 молотилок, 19 веялок и др. сел.-хоз. машин, которые при этом встречаются исключительно в эстонских и русских хозяйствах. Даже этого жалкого инвентаря не хватает на все население, и 28% всех хозяйств (около 32.000) совершенно не имеют сел.-хоз. орудий. Так же дело обстоит и с рабочим скотом, которым снабжена лишь половина хозяйств. Опять-таки и здесь зловещую роль сыграла гражданская война, спровоцированная меньшевистской оккупацией.

Главную хозяйственную ценность Абхазии составляют леса, занимающие около 65% всей ее территории. Среди них мы находим такие ценные породы, как самшит (кавказская пальма), тис, орех, каштан и др. Нигде, однако, так не сказалась экономическая запущенность и отсталость Абхазии, как в эксплуатации ее лесных богатств. Благодаря отсутствию лесовозных дорог, а также раздаче огромных лесных площадей помещикам и общинам, здесь в течение десятилетий происходила хищническая порубка леса, приведшая к полному уничтожению лучших строевых пород (каштана и дуба) в доступных местах. Это «поставило округ в такое странное положение, что, при кажущихся необъятных лесных пространствах, “леса нет”, так как все видимое представляет собой в лучшем смысле только дрова, в худшем же – рассадник малярии»[1].

Особенно пострадали, при описанной системе лесного хозяйства, самшитовые леса. Самшит представляет из себя драгоценную породу, встречаемую лишь в Персии (но худшего качества); благодаря своей исключительной твердости, его древесина идет на изготовление ткацких

[1] Н.В. фон-Дервиз. Указ. соч., стр. 57. – *Прим. авт.*

челноков, шахмат и даже шестерень и деревянных винтов. В результате указанной раздачи, в надел туземным князьям и крестьянам самшитовых лесов, от когда-то огромных площадей их остались лишь жалкие остатки. Если в начале XX в. их исчисляли приблизительно в 24.000 десятин, то в настоящее время осталось всего 8.400 десятин самшита.

Вполне понятно, что отсутствие доступного строевого леса и, вообще, ценных пород, напр., ореха, а также отсутствие путей сообщения не благоприятствовали развитию лесной промышленности. Все же в прошлом здесь существовало несколько крупных предприятий.

При советской власти предпринимаются энергичные меры для защиты лесных богатств, а также для их рациональной эксплуатации. Так, леса, имеющие курортное значение, объявлены заповедными (так же, как и знаменитая историческая Пицундская сосновая роща); разрабатываются проекты сплава леса по рр. Кодору и Бзыби; заготовки самшита достигали 90.000 пудов; построена узкоколейная жел. дорога от Сухума до лесной дачи быв. Шервашидзе для доставки дров и т.д.

Второй важнейшей отраслью народного хозяйства Абхазии является табаководство. Оно начало развиваться за двадцать пять лет до мировой войны, причем проводниками этой культуры явились колонисты: турецкие армяне и греки. Благодаря значительной трудоемкости табаководства, необходимости навыка и технических знаний, абхазы и мингрелы почти совершенно не занимались им, сдавая свои земли в аренду туркам. Высокая прибыльность табаководства, гарантирующем в условиях Абхазии доход (на 300% больший, нежели с посевов кукурузы[1], вызвал стремительный рост этой культуры, сопровождавшийся, как мы видели, скупкой земель и развитием плантационного хозяйства. Так, в 1903 г. было засеяно всего несколько тысяч десятин, давших урожай в 150.000 пуд., а в 1914 году – уже 10.500 десятин, давших 602.000 пудов.

Развитие табаководства получило сильнейший удар во время гражданской войны, благодаря экономической политике меньшевиков. Они объявили эту культуру государственной монополией и назначили принудительные цены на выкуп старых табаков и на приобретение новых. Эти цены были ниже себестоимости и выражены в падающей валюте. В результате, население перестает культивировать табак и начинает возделывать взамен хлеб. Вместо 2.000 дес. посева в 1918 году с урожаем в 100.000 пуд., в 1921 году было засеяно 40 дес. с урожаем в 2.000 пудов.

---

[1] Десятина кукурузы дает 200 руб. дохода, десятина же табака – 800 руб. – *Прим. авт.*

Как мы видим, хищническая политика меньшевиков совершенно разрушила абхазское табаководство, продукты которого до войны составляли две трети всего экспорта страны.

Лишь с утверждением советской власти это положение вещей в корне меняется. Возникает кооперативная организация «Союз табаководов»[1], правительство выдает крупные субсидии табаководам (в 1924 г. около 1 милл. руб.), в результате чего мы видим новый стремительный подъем этой ценнейшей культуры. Вместо 100 дес. в 1922 году, в 1923 году было уже засеяно 4.000 дес. с урожаем в 200.000 пудов.

Несомненно, что табаководство имеет теперь блестящие перспективы развития, тем более, что вырабатываемые здесь преимущественно высококачественные сорта (в отличие от табаков Кубани) имеют хороший сбыт за границу (в Египет). Теперь табаководством начали заниматься также абхазы и мингрелы, достигшие в короткое время настолько значительных успехов, что они вытеснили со своей земли арендаторов турок.

Остальные отрасли народного хозяйства Абхазии находятся в зачаточном состоянии. В настоящее время под садами и виноградниками находится всего каких-нибудь 3.400 десятин. Виноград при этом растет в полудиком виде. Эта запущенность Абхазии объясняется тем, что сельскохозяйственное изучение страны всегда ограничивалось лишь прибрежной полосой, а оказание агрономической помощи носило явно недостаточный характер. К тому же, при меньшевиках деятельность Сухумской опытной станции[2] почти заглохла, и ей пришлось закрыть два питомника, снабжавшие все побережье.

Образцовых культурных хозяйств в Абхазии было всегда очень мало, и они были связаны обычно с санаториями (санаторий и парк Смецкого, санатории в Драндах, Гагринская климатическая станция). Единственным крупным культурным уголком является Новый Афон, имеющий ряд мастерских, небольшую электрическую станцию, оливковые сады и т.п., устроенные монахами при помощи дарового труда десятков тысяч паломников.

Наконец, полунищее и отсталое крестьянское население, задавленное налогами и поборами, совершенно не обладало ресурсами для того, чтобы собственными усилиями поднять хозяйственную жизнь страны.

---

[1] Союз кооперативных товариществ табаководов ССР Абхазии (Абтабаксоюз) был создан в 1921 г. – *Прим. ред.*

[2] Сухумская садовая и сельскохозяйственная опытная станция была образована в начале XX в. – *Прим. ред.*

Наряду с другими, уже указанными в предыдущем, причинами это и объясняет экономическую запущенность Абхазии, при ее огромных природных возможностях. Достаточно указать, что до войны (в 1913 г.) весь экспорт этой богатейшей страны равнялся всего 12 мил. рублей, из которых 85% падало на сел.-хоз. продукты (табак и кукурузу, вывозимые в Турцию), 8% – на лес и 7% – на все остальное.

На базе такой жалкой добывающей промышленности, конечно, не могла возникнуть сколько-нибудь значительная обрабатывающая промышленность. Для последней в Абхазии имеются необходимые предпосылки в виде «белого угля» – водной энергии, а также черного угля. Но и то, и другое пока совершенно не эксплуатируется. Наиболее крупным угольным бассейном является Ткварчельская казенная дача (в 30 вер. от гор. Очемчир). Геологические изыскания обнаружили здесь огромный бассейн, площадью в 20.000 десятин, с пластами угля до 7 саж. толщины, причем огромным достоинством угля оказалась его способность коксоваться. Экскурсия, отправленная в 1924 г. АбНО[1], подтвердила прежние данные и выяснила чрезвычайно благоприятные условия для проведения дороги от каменноугольного района до побережья. Помимо угля, в Абхазии имеются значительные месторождения железной, медной и серебро-свинцовой руды, а также золотых россыпей по рр. Джемпал, Амткелу и Кодору, что подтверждает действительность греческого сказания об аргонавтах, отправившихся в Колхиду за «золотым руном». В древности некоторые из этих залежей даже разрабатывались, как это доказывают находимые в разных местах остатки доменных печей, а также шлаки и выплавленные куски металла; в настоящее время все эти месторождения не разрабатываются.

Фабрично-заводских предприятий в Абхазии не имеется, если не считать находящихся в Сухуме небольшого консервного заводика с 79 рабочими и деревообделочной мастерской с 5 рабочими, выделывающими самшитовые челноки и мебель.

Слабо развита и кустарная промышленность, за исключением традиционного кузнечного дела.

В 1924 году обороты государственных и кооперативных учреждений равнялись всего около 5 милл. рублей.

[1] Абхазское научное общество (1922–1931 гг.). – *Прим. ред.*

§ 5. Абхазия при советской власти

Утверждение в Абхазии советской власти означало решительный перелом во всей ее жизни. Главными чертами новой эпохи явились: решительная борьба против всех шовинистических пережитков, против всякого национализма, будет ли он великорусским или великогрузинским, а также всестороннее экономическое, социальное и культурное развитие страны. Мы уже познакомились с мероприятиями советской власти в области лесного дела и табаководства, составляющих позвоночный столб хозяйственного организма Абхазии. Такая же творческая работа наблюдается решительно во всех областях народного хозяйства. Так, несмотря на исключительно благоприятные природные условия (теплый климат, обилие влаги), в Абхазии совершенно не было развито хлопководство. В 1924 г. под хлопком было занято меньше двухсот десятин. Были приняты энергичные меры для развития хлопководства: крестьянам было роздано 3.000 пудов семян, благодаря чему посевная площадь увеличилась до 1.275 дес.; через 5 лет предположено эту площадь довести уже до 15.000 десятин, что принесет огромные выгоды населению, так как соотношение между ценами на кукурузу и хлопок равно 1:5.

Абхазия изобилует дикорастущими лекарственными травами, которые до сих пор почти совершенно не эксплуатировались, между тем, здесь есть возможность добывать такие фармацевтические продукты, как беладонна (до 330 пуд. в год), корень скоплии (до 1.000 пуд.), корень валерианы (до 300–500 пуд.) и др.; мало того, опыты показали, что в Абхазии можно культивировать: розмарин, цинхон (хинное дерево) и др. субтропические растения.

Одним из важнейших препятствий на пути экономического развития страны является плачевное состояние шоссейных дорог. В настоящее время производится капитальный ремонт этих дорог, давший возможность уже сейчас открыть от Сочи до Сухума автомобильное сообщение; кроме того, разрабатываются проекты новых дорог, и вновь выдвигается проект проведения через территорию Абхазии побережной жел. дороги, неоконченной постройкой, которая соединила бы ее с Кубанской областью и с Закавказьем.

Целый ряд мер предпринят советской властью для правильного разрешения земельного вопроса. До революции землеустройство носило совершенно произвольный характер, объясняемый общей национальной политикой царизма; в то время, как коренное население получало по 3–7 десятин на дым, колонистам давалось до 10 десятин,

и, наконец, мингрелам – до 5 десятин. Помимо этого, малоземельное абхазское крестьянство страдало еще и от чересполосицы. При меньшевиках происходила, с одной стороны, стихийная экспроприация крестьянами частновладельческих земель, с другой – произвольное наделение землей грузин в интересах проводимой шовинистической политики. В настоящее время, после введения земельного кодекса, прекратилась стихийная экспроприация, и приняты меры для действительно правильного землеустройства, на основе сельскохозяйственной тригонометрической съемки.

Совокупность всех бегло указанных мною фактов с очевидностью доказывает, что Абхазия действительно вступила сейчас в полосу хозяйственного возрождения, пришедшего на смену дореволюционному запустению и меньшевистскому разорению.

В ряду мер, осуществляемых советской властью для возрождения страны, особое место занимает борьба с малярией. Статистика доказывает, что по малярийности Абхазия занимает первое место на всем Черноморском побережье[1]. Часто, глядя на роскошную субтропическую растительность Абхазии, хочется сравнить эту страну с роскошным садом, за каждым деревом и кустом которого приютилась незримая смерть. Среднюю заболеваемость во всей Абхазии надо признать не ниже 60%, причем в некоторых пунктах она достигает 100%, т.е. все жители являются маляриками. В 1923 году было произведено поголовное обследование школьников, которое дало следующие кошмарные результаты: больных малярией оказалось 91,6%, а совершенно здоровых (т.е. без паразитов и не имевших приступа) всего 8,4%.

До советской власти борьба с этим грозным бичом носила недостаточный и несистематический характер. Лишь после этого она приняла государственные формы и развернулась чрезвычайно широко. В Сухуме была учреждена центральная малярийная станция (в 1921 году), которая превратилась как бы в главный штаб по борьбе с ужасным невидимым врагом. На периферии было организовано 8 станций и 20 пунктов. Производится поголовная хинизация населения, болотистые участки подвергнуты нефтизации и т.п. Результаты от всех этих мероприятий уже сейчас огромные; в будущем они обещают полное уничтожение малярии.

---

[1] О малярии в Абхазии и борьбе о ней см. брошюры энергичного бойца против этой болезни д-ра А.П. Мосткова: 1) Малярия и борьба с ней в Абхазии. Сухум, 1923 г. и 2) Опыт изучения эпидемиологии малярии. Сухум, 1925 г. – *Прим. авт.*

Преодоление шовинизма и чисто советское разрешение национального вопроса ни в чем не сказалась так ярко и убедительно, как в культурно-просветительной работе, которая сейчас ведется в Абхазии.

Народное образование в последней начинает развиваться лишь в 90-х годах, однако, в условиях дореволюционного режима, оно выразилось лишь в открытии сети одноклассных и двухклассных школ, совершенно не удовлетворяющих нужд населения. После революции 1905 г. народное образование значительно развивается: открывается сухумская учительская семинария[1], в сельских школах и гимназиях вводится обязательное изучение абхазского языка. Меньшевики разрушили даже ту работу, которая велась царскими бюрократами: учительская семинария была наполовину грузинофицирована, в Самурзакани были введены исключительно грузинские школы, во всех средних учебных заведениях абхазский язык был вытеснен грузинским и т.п.[2].

Лишь при советской власти школьное дело начинает правильно развиваться, причем все языки многонациональной Абхазии получают одинаковое право гражданства.

Нижеприводимая табличка дает представление о росте народного образования[3].

Сравнительная таблица школьной сети:	1913/14 г.	1924/25 г.
Количество школ всех типов	148	211
„ учащих	399	535
„ детей	7.885	15.360

Следующая табличка лучше всяких рассуждений рисует национальную политику советской власти в области народного просвещения.

Распределение школ по национальностям:

Абхазских	40
Грузинских	75
Греческих	41
Армянских	43
Русских	27
Эстонских	2
Немецких	2
Всего	**230 школ.**

[1] Сухумская учительская семинария была создана в 1915 г. – *Прим. ред.*

[2] С. Басария. Указ. соч., стр. 108. – *Прим. авт.*

[3] Все статистические данные были любезно предоставлены мне Наркомпросом Абхазии. – *Прим. авт.*

Культурный подъем, переживаемый сейчас Абхазией, находит свое выражение в ряде интересных явлений. Чрезвычайно оживленную дискуссию вызывает вопрос о замене существующего и малопригодного абхазского алфавита новой азбукой. В то время, как большинство абхазских культурных работников высказываются за латинский алфавит, некоторые стоят за усвоение древнегрузинского, который с их точки зрения является на самом деле алфавитом абхазского царства IX–X вв.[1] Оживленную полемику, сопровождающуюся, к сожалению, подчас шовинистическими уклонами, вызывает вопрос о «государственном языке». Ряд деятелей в качестве такового выдвигает грузинский язык, хотя по свободному волеизлиянию самого населения таковым уже стал русский язык.

Наконец, чрезвычайно оживленно протекает в Абхазии научная деятельность. В 1922 г. возникло Абхазское Научное Общество (АбНО), завербовавшее все живые культурные силы страны и уже развернувшее довольно обширную работу[2]. Крупное значение для оживления и углубления научно-исследовательской работы в Абхазии имел первый съезд деятелей краеведения Черноморского побережья и Западного Кавказа, состоявшийся в конце 1924 г. в Абхазии.

Все отмеченные процессы необычайно живо отражаются в жизни крестьянства, целиком преображая его быт, что мне пришлось лично наблюдать при посещении абхазских деревень (Лыхны и др.).

---

[1] С. Ашхацава в своей работе «Пути развития абхазской истории» (Сухум, 1925) писал: «…ныне известный древнегрузинский алфавит являлся алфавитом древнего Абхазского государства до его распадения; и после этого он все же остался у церкви и дипломатии до самого 1863 г., т.е. до момента введения непосредственного русского управления в Абхазии и замены этого алфавита русским» (с. 37). – *Прим. ред.*

[2] Экспедиция проф. А.С. Башкирова в 1925 г. дала чрезвычайно богатые результаты, будучи, в сущности, первой серьезной археологической разведкой в Абхазии. В Сухуме были произведены раскопки, обнаружившие наслоения трех культур: позднеримской, византийско-кавказской и средневековой турецкой. На изумительном по остаткам старины Пицундском мысе был изучен знаменитый византийский храм, обнаружено огромное городище, заросшее ежевикой, найден древн. акведук и т.п. Не менее плодотворные результаты дало обследование Иверской горы у Нов. Афона с ее римск. оборон. стеной, древним храмом и монументальн. сооружен. Результаты раскопок будут опубликованы в «Новом Востоке». А.С. Башкирову принадлежат фотографии, воспроизводимые в настоящей статье. – *Прим. авт.*

Отличительной чертой нового быта абхазской деревни является почти полное исчезновение разбойничества. До революции Абхазия являлась классической страной разбойничества, которое здесь, как и на всем остальном Кавказе, являлось, в сущности, стихийной формой борьбы против политического и экономического угнетения. При меньшевиках это зло еще более увеличилось. Бесконечные поджоги, реквизиции и расстрелы, практиковавшиеся народными гвардейцами В. Джугели, усилили в виде реакции разбойничество. По словам крестьян, в те годы представляло опасность пройти из одного конца деревни в другой. При советской власти происходит почти полная ликвидация разбойничества, которое в новых условиях рабоче-крестьянской власти, превращается в ничем не оправдываемый бандитизм. Известные разбойники покидают свои неприступные убежища и возвращаются к мирному труду. В тех же случаях, когда вновь возникают эксцессы, против них борется само население, путем круговой поруки, поимки преступников и, главное, путем осуждения на сходах разбойничества, как явления, подрывающего новый порядок вещей. Правда, до сих пор еще обязательной принадлежностью костюма каждого абхаза, наряду с войлочной шляпой, является наган, но он служит уже исключительно для целей защиты.

Идеи советской культуры, экономического прогресса и правопорядка постепенно пропитывают и преображают еще недавно совершенно отсталую абхазскую деревню.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Несколько слов о В. Гурко-Кряжине и его книге «Абхазия» 3
Основные линии истории Абхазии 5
Национальная статистика Абхазии 12
Национальная политика меньшевиков 19
Экономика Абхазии 22
Абхазия при Советской власти 27

Редакторы – С.З. Лакоба, А.Я. Дбар
Верстка – С.И. Садзба
Обложка – Г.Н. Рыженкова

Формат 60x90 1/16
Тираж 50 экз.